

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: В ПОИСКАХ МОТИВАЦИИ

П.С. СЕЛЕЗНЕВ

1. Инновационность как «новая идеология» XXI в.

Рубеж XX – XXI вв. ознаменовался серьезным кризисом традиционных идеологий и политических мировоззренческих конструкций, определявших жизнь человечества на протяжении последних 200 лет. Большинство из них оказалось неконкурентоспособным в свете вызовов нового столетия. Последней пала либеральная политическая и социально-экономическая догматика, позиции которой были подорваны, с одной стороны, излишне настойчивыми попытками США и Евросоюза «распространить» ее повсеместно в качестве «единственно верного» учения, с другой – глобальным финансово-экономическим кризисом, который заставил человечество усомниться в универсальности и эффективности либерально-рыночной модели. Следствием этого стали попытки найти ответы на вызовы нового столетия в прошлом. Так в политической сфере возрос интерес к идеологиям XIX – XX вв. (коммунизм, социал-демократия, консерватизм), а также к «квазиполитическим» теориям (политический феминизм, религиозно-политические учения, глобализм, антиглобализм, постиндустриализм, экологизм), а в экономике появляется запрос на новую версию кейнсианства. Однако такой путь является тупиковым. Обращаясь в прошлое или используя неадекватное новым реалиям настоящее, государственные деятели, политики и экономисты фактически игнорируют качественно иной тип политических и социально-экономических отношений, возникших в начале XXI столетия. Все это требует от развитых государств мира выработки новых идеологических приоритетов, адекватных современным вызовам.

Одним из политико-экономических концептов, претендующих на статус глобальной «мегаидеологии», стала доктрина инновационного развития. При всем своеобразии понимания инноваций и инновационной модернизации в различных странах и культурах, уже выработались ее базовые теоретические положения.

Несмотря на то, что инновационное развитие зачастую понимается преимущественно как технологическая и экономическая модернизация, стержнем его являются все же политические факторы. Так, выбор приоритетов инновационной деятельности должен опираться на анализ политической и социальной структуры общества, учитывать базовую социальную онтологию и ценностные ориентации населения, традиции осуществления власти, расклад сил внутри элиты (соотношение сторонников и противников инновационного пути).

Построение в России органичной политико-экономической модели, основанной на знаниях, креативе и перспективном видении будущего, предполагает создание условий для превращения научно-технического потенциала России в один из основных ресурсов устойчивого социально-экономического и политического роста. И здесь надо отметить, что руководство Российской Федерации, оценив остроту вызовов XXI в. и технологическое отставание страны от ведущих государств мира, но при этом учитывая ее мощнейший экономический, демографический и культурный потенциал, сыграло «на опережение». Был выдвинут лозунг не «Догнать и перегнать», но «Опередить», по крайней мере, в тех сферах, где Россия может совершить серьезные прорывы.

В России инициатива в деле инициирования и реализации инновационного проекта принадлежит правящей элите, причем в основе ее тяги к инновационной модернизации лежат как объективные, так и субъективные факторы. Так, с одной стороны, она вполне эгоистично заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволяет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой — она понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно.

Инновационная «повестка дня», сформулированная и реализуемая властью РФ в 2007 — 2013 гг., также является своего рода заявкой на интеграцию в глобальную элиту. С одной стороны, тем самым Россия демонстрирует свое созвучие с эпохой и понимание политики модернизации, с другой — хочет войти в мировой элитный клуб не на правах «младшего сырьевого брата», а как полноценное эффективное государство XXI в.

Впервые поставленная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию (10 мая 2006 г.) цель по изменению структуры экономики России, приданию ей инновационного качества, определила необходимость выполнения следующих ключевых задач.

— *Стимулирование роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций*¹.

— *Повышение ориентированности научных организаций на потребности реальной экономики*².

— *Развитие предпринимательской инициативы во всех секторах экономики и создание для этого необходимых условий*³.

Внимание власти к концепту инновационного развития не стало чисто декларативным: были созданы «точки роста» в виде бизнес-инкубаторов, технопарков, особых экономических зон, госкорпораций («Роснано» и др.), инновационной площадки «Сколково». Поддержкой и стимулированием реализации перспективных инно-

вационных проектов и их авторов займется Агентство стратегических инициатив⁴, созданное в мае 2011 г.

«Сухие» цифры таковы: сегодня в России действуют 24 особые экономические зоны, 13 наукоградов. В 12 регионах развиваются технопарки в сфере высоких технологий. В общей сложности в инфраструктуру технико-внедренческих зон (в дороги, производственные помещения, лаборатории) государство уже вложило порядка 28,3 млрд рублей. В 2012 г. на развитие всех особых экономических зон, технопарков и наукоградов из федерального бюджета было выделено более 17,5 млрд руб.

Тем не менее, задачи инновационной модернизации России до сих пор полностью не решены. В частности, по мнению известного ученого Леонида Гохберга, «эффективная инновационная политика невозможна в сочетании с рядом элементов существующей политики». В качестве примеров «зон неэффективности» он назвал администрирование налоговых льгот, таможенные барьеры, институт госзакупок и финансирование науки вне связи с результатами. Слабой стороной инноваций эксперты считают и нескоординированность политики государства: например, снижение экспортной пошлины на сырую нефть убивает нефтепереработку и т.д.⁵

Также надо отметить, что до сих пор нет определенности с инновационной стратегией. В частности, непроясненным остается целый ряд «неэкономических» вопросов:

- какая мотивация будет лежать в основе инновационных преобразований?
- в какой пропорции в инновационном проекте будут представлены интересы государства, бизнеса, граждан?
- какие политические, мировоззренческие и культурные приоритеты лягут в основу российского инновационного курса?
- как оградить инновационные инициативы от разного рода международных и отечественных «издержек» (коррупция, ограничение на доступ к новейшим зарубежным технологиям, сопротивление инновационной повестке дня со стороны бюрократии и оппозиции и пр.)?

Все это заставляет руководство Российской Федерации регулярно возвращаться к теме инновационного развития, поскольку именно с ним связывается возрождение страны в качестве великой державы XXI столетия.

Конечно, инновационный путь России имеет свою специфику и подгонять его «под одну гребенку» — дело неблагодарное, в чем мы смогли убедиться в 1990-е гг., когда однозначная ставка на копирование западных политических и экономических стандартов привела к затяжному кризису, плоды которого мы пожинаем до сих пор. В то же время, разработка любой инновационной модели должна учитывать

(особенно в эпоху глобализации) опыт других «продвинутых» стран. В этом плане интересно рассмотреть и сопоставить как западный, так и восточный пути к инновациям.

2. Инновационная модель стран Запада (США и Европы): политические и экономические смыслы

Заявка на реализацию инновационного проекта является, прежде всего, политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или глобального лидерства. Долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются «правильного», либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике.

Концепты «прогресс» и «опережающее развитие» заложены в самих основах западной цивилизации. Политическая культура ведущих стран Запада изначально была построена на постулировании необходимости обеспечения наиболее комфортного существования человека в земной жизни даже в те времена, когда в мире господствовала религиозная парадигма, а Церковь была мощной политической силой.

Такого рода подход во многом лег в основу многолетней политики Запада по обеспечению опережающего характера развития и достижения глобального лидерства. Более того, из подобного мироощущения вытекает и концепция прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, с иными цивилизационными «мирами». При этом признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся, прежде всего, на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки и считаются «вторичными», либо отвергаются в принципе. Поэтому за «незападными» странами и народами признается лишь право на догоняющее развитие, причем по пути, проторенному ведущими странами Запада, и лишь по уже «утвержденным» последними «лекалам».

Первоначальный «экономический снобизм» Запада стал постепенно дополняться также идеями «политического прогресса», и здесь он опять же претендовал на глобальное лидерство и статус «законодателя мод». Все остальные варианты политического развития признавались «девиантными» и «неистинными». Апогеем такого подхода стала концепция «демократического транзита», получившая распространение, как в политической теории, так и на практике в 1980 – 1990-е гг. Она постулировала необходимость движения всего человечества в направлении западного (либерального) варианта

демократии, при этом отрицая не только тоталитарные и авторитарные модели, но даже альтернативные формы демократического режима. Выражением такой однозначной трактовки политического и социально-экономического прогресса стала теория американского ученого Ф. Фукуямы о «конце истории». В своей работе с одноименным названием он объявлял либерально-демократический и рыночный путь развития единственно верным, фактически «венцом» истории человечества, а победу Запада в борьбе за мировое господство безоговорочной.

Тем не менее, начало XXI в. поставило под сомнение такие выводы.

Во-первых, выяснилось, что либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для «незападных» стран-реципиентов.

Во-вторых, глобальный финансово-экономический кризис 2008 – 2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и базовые принципы капитализма (такие, как конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.). Более того, не исключено, что мы стоим перед началом нового этапа кризиса западной экономической модели, вплоть до начала новой «Великой депрессии»⁶, что с еще большей остротой поставит вопрос о поиске адекватной замены устаревшим догмам Запада.

В то же время утрата однозначного лидерства в мире ставит под сомнение основы всей западной цивилизации и ведет к резкому обострению противоречий в США и Евросоюзе, особенно с учетом того, что во многом именно «стратегия прогресса» позволяет поддерживать стабильность в данных субъектах и обеспечивать консолидацию общества вокруг власти.

Так, для населения *Соединенных Штатов принципиальным является глобальное политическое, военное и экономическое лидерство их страны*. В теории такие настроения были отражены в 1990-е гг. известным американским политологом, бывшим исполнительным директором (1985 – 1991) Ассоциации за объединение демократий А. Страусом в его концепции «униполярности»⁷. Его точка зрения состоит в следующем: «Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий “униполь”. Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполя»⁸.

В настоящий момент в США государственная поддержка работ технологической направленности подчинена задаче обеспечения международной конкурентоспособности на рынке технологий. Малому и среднему инновационному бизнесу особого внимания не уделяется,

а основные инструменты научно-технической политики сводятся к следующему:

- государственная экспертиза инновационных проектов с целью оценки возможных эффектов в общеэкономическом масштабе;
- активное участие государства в финансировании крупномасштабных проектов (300 – 500 млн долл. США) вплоть до полного государственного финансирования наиболее эффективных и наукоемких исследований;
- стимулирование создания венчурных фондов путем частичного или полного финансирования в течение первых лет наиболее эффективных исследовательских центров и венчурных фирм;
- усиление антимонопольных мер по отношению к фирмам, препятствующим конкуренции в наукоемких отраслях.

Европейский инновационный проект при всех национальных особенностях его реализации в разных странах, имеет одну общую составляющую. *Инновации здесь служат, прежде всего, для сглаживания политических и социальных противоречий, а также для обеспечения эффективного контроля над обществом со стороны власти через косвенные механизмы (в частности, через реализацию социально ориентированного курса).* Более того, инновационное развитие является в настоящий момент главным гарантом процветания «общества потребления», сложившегося в ведущих государствах ЕС. Лишь оно позволяет рассчитывать на то, что постоянно растущие потребности и запросы граждан получат необходимую подпитку и адекватное выражение.

В странах Западной Европы и других развитых государствах, несмотря на существующие проблемы, научно-технический прогресс, учитывающий множество факторов, привел к возникновению постиндустриального общества, характерными чертами которого являются: соблюдение законов, открытость экономики, соблюдение экологических норм, высокий уровень информатизации общества, перманентное повышение качества жизни и стремление к здоровому образу жизни, защита интересов каждого человека, гражданская солидарность личности. При этом развитие науки также ставится в ряд основных ценностей в масштабе всей страны⁹.

В отличие от США и других стран (Великобритании, Японии), территориально обособленных от прочих государств, страны Европейского Союза примыкают друг к другу и изначально вынуждены были тесно сотрудничать. Кроме того, они отличаются небольшими занимаемыми территориями, незначительными сырьевыми ресурсами и ограниченными бюджетами, не позволяющими осуществлять крупномасштабные проекты за государственный счет. Все это заставило правительства двигаться по пути максимальной оптимизации научно-технического потенциала и укрепления взаимовыгодного сотрудничества с соседями. И, несмотря на то, что страны ставят

перед собой различные цели (например, для Франции приоритетным является создание дополнительных рабочих мест, а для Германии – развитие прогрессивных технологий), методы инновационной политики в этих странах весьма схожи, а эффективность их применения, по оценкам европейских экспертов, примерно одинакова.

Ведущие страны Европейского Союза около 90% продукции производят для своего внутреннего рынка. Национальные инвестиции, осуществляемые национальными компаниями, намного превышают сумму прямых зарубежных инвестиций и инвестиций, осуществляемых национальными компаниями за рубежом.

Основными направлениями государственной поддержки инновационной сферы в странах Европейского Союза являются:

- поддержание высокого уровня развития науки;
- поддержка исследований, направленных на обеспечение устойчивого развития государства в условиях ограничений по энергетике, воздействия на окружающую среду и ее рациональное использование на территории страны;
- приоритетная поддержка малых и средних организационных форм;
- стимулирование сотрудничества университетской науки и организаций-производителей путем создания центров технологий на базе университетов, которые призваны активизировать совместные исследования с промышленными предприятиями и решать проблемы мобильности кадров;
- прямое финансирование организаций, занимающихся инновациями в области новейших технологий¹⁰.

3. Современные «незападные» инновационные практики: синтез универсального и национального

Последние десятилетия поставили под вопрос либеральную трактовку понятия инновационности и механизмов ее обеспечения. Помимо уже указанных выше кризисных явлений все активнее становятся претензии (причем подкрепленные соответствующими инновационными достижениями) стран «третьего мира» на участие в «прогрессивной» повестке дня современности. Это касается тех государств, которые совсем недавно прочно принадлежали к мировой периферии и даже гипотетически не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров – США и Европы. И хотя их выбор в пользу инновационности развития является преимущественно политическим, однако их мотивации могут существенно различаться.

Так, некоторым из «неофитов» переход на инновационные рельсы представляется единственным шансом опередить в ужесточившейся международной конкуренции своих статусных оппонентов. Характерным примером является *Китай*, который, совершив инновационный

рывок в конце XX в., в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз и «наступает на пятки» Соединенным Штатам¹¹.

При этом КНР не только не снижает, но и стремится наращивать темпы инновационного развития. В частности, в 2006 г. китайское правительство приняло средне- и долгосрочный планы развития инновационной системы страны, сделав акцент на новых направлениях политики. Речь шла о сокращении затрат на импорт технологий, об активизации переговоров на рынке технологий, о стимулировании инновационной активности частных предприятий, о значительном повышении доли расходов на НИОКР в % ВВП, о качественно новом уровне защиты интеллектуальной собственности¹².

С учетом того, что КНР не скрывает своих претензий на глобальное лидерство и ведет активную работу по продвижению своих национальных интересов практически во всех регионах мира, инновационный проект дает Пекину возможность не просто нарастить международный «вес» и ресурсный потенциал, но и самым позитивным образом представить «незападным» странам привлекательную модель достижения успеха на основе сохранения традиций, причем без кардинальной ломки сложившихся политической и экономической систем.

Немаловажным являлся и вопрос о стратегии и идеологии инновационного развития КНР. В результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны, позволяющего проводить реформы, с другой — сохраняющего незыблемость базовых основ государства и общества. Так появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма (синьцюаньвэйчжуй). Главный смысл ее заключался в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под кураторством сильной и жесткой власти, в то же время ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, — это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно подрывается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые, в свою очередь, новой сильной властью и т.д. А неоавторитаризм ставит своей целью не сохранение «статус кво», а динамичное развитие общества.

Еще одна мотивация инновационности связана со стремлением ряда стран обеспечить внутреннюю социально-политическую стабильность, прежде всего, за счет преодоления «хронической» нищеты большинства населения. В частности, это касается Бразилии и Индии, где

инновационные проекты в основном имеют «социальную» направленность, хотя это не исключает также их одновременных претензий на достижение регионального лидерства и участия в глобальных альянсах, альтернативных Западу (БРИКС).

За последние 20 лет в условиях развития предпринимательства в *Бразилии* было создано около 400 технопарков, в которых сконцентрировано 6300 организаций и фирм с 35 тыс. рабочих мест и ежегодным оборотом в 2,5 млрд долл. США. Активно стимулировала инновации принятая в 2007 г. Правительством Бразилии и реализуемая с 2009 г. программа «Первая инновационная компания» (Prime) по поддержке фирм, занятых в области разработки инновационных технологий. Эта программа действует под эгидой Министерства науки и технологий (МСТ) и реализуется Агентством по финансированию исследований и проектов (Finer) в сотрудничестве с 25 крупными технопарками, расположенными на территории всей страны, целью которых является стимулирование развития бизнес-структур, занятых в сфере инновационных технологий. Такое бурное развитие позволило Бразилии в результате инновационного «рыжка» с 2003 по 2010 гг. сократить уровень бедности на 50%¹³. А в августе 2011 г. Президент Бразилии Дилма Руссефф представила «великие планы бразильской промышленности», призванные помочь предприятиям страны стать более конкурентоспособными на мировом и внутреннем рынке¹⁴.

К странам с исключительно высоким уровнем бедности и социального расслоения традиционно относится также *Индия*. Такие реалии усугублялись и закреплялись еще жестко фиксированной социальной иерархией (кастовая система) и перенаселенностью. Кроме того, бедность являлась и следствием колониальной политики Великобритании, которая была нацелена, с одной стороны, на жесткую эксплуатацию ресурсного потенциала своих владений (а Индия до 1949 г. находилась под английским владычеством), а с другой — на реализацию принципа «разделяй и властвуй», как в социальной, так и в национальной политике. Все это влекло за собой нищету подавляющего большинства населения при гипертрофированном богатстве немногочисленного «правящего класса».

Однако по мере государственного «созревания» Индии, роста ее политических и социально-экономических амбиций и активизации ее участия в международной жизни возникает потребность в преодолении указанной социальной разбалансированности.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось для Индии мощным экономическим подъемом и ускорением в развитии инновационной сферы. Это было обусловлено как завершением предварительной стадии подготовки экономики страны к инновационному этапу, так и появлением необходимой «критической массы» образованных

индийцев. Кстати, это во многом определило инновационный профиль Индии как ведущего мирового центра ряда услуг, в частности — софтверного и бизнес-аутсорсинга и инжиниринга. В частности, в середине 2000-х гг. на долю Индии приходилось около 45% рынка бизнес-аутсорсинга и около 65% рынка IT-аутсорсинга.

Все это позволило руководству страны приступить к следующему этапу преобразований. Так, в 2003 г. правительство Индии обнародовало очередные инициативы, ориентированные на инновационное развитие страны. В частности, они предполагали «дебюрократизацию» и привлечение к управлению профильными министерствами и департаментами ученых и представителей академического сообщества; увеличение объема инвестиций в НИОКР до 2% ВВП к 2007 г., предоставление университетам и научным лабораториям права передачи технологий (раньше на это требовалась санкция государства). Также анонсировалось создание финансовых стимулов в системе НИОКР, как собственных, так и аутсорсинговых и проведение реформы законодательства об интеллектуальной собственности¹⁵.

Дальнейшие планы инновационного развития Индии были отражены в 11-м пятилетнем плане на 2007 — 2012 гг.: государство запланировало значительные инвестиции в развитие инфраструктуры и сферы образования.

Отечественные и зарубежные вложения позволили Индии резко интенсифицировать свою инновационную политику, особенно в таких отраслях как автомобилестроение, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и биотехнологии. Примечательно, что такого рода инвестиционная подстраховка позволила стране относительно благополучно пережить глобальный финансово-экономический кризис 2008 — 2010 гг.

Что же касается *Малайзии*, то здесь поддержка отечественного бизнеса и государственного сектора не подразумевала создания «тепличных» условий за счет импортных ограничений, что позволяло сохранять здоровую конкурентную среду. Кроме того, в Малайзии развитие государственного сектора выполняло целевую задачу — перераспределение экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. По мере того, как госпредприятия начинали успешно функционировать, они передавались в пользование малайским бизнесменам.

Увеличение экономического потенциала позволило смягчить остроту многих социальных проблем. Доля населения, проживающего ниже черты бедности, снизилась с начала 1970-х к середине 1990-х гг. в городах с 22 до 4,5%, на селе — с 45 до 22%.

Более того, преодолев свои экономические и социальные проблемы, страна вступила на путь инновационных преобразований. Даже глобальный экономический кризис не смог поколебать ее стремления

к развитию. Так, в целях создания условий минимизации влияния на экономику страны негативных тенденций мирового рынка, премьер-министр Малайзии Наджиб Разак объявил о разработке новой экономической модели (НЭМ), рассчитанной на обеспечение роста ВВП в 2011 – 2020 гг. на уровне не ниже 6,5% годовых.

Задача-максимум, поставленная правительством, – превратить Малайзию в страну с высокими доходами и развитым внутренним рынком. Малайзия намерена достичь роста доходов на душу населения до 15 тыс. долл. (ныне 7 тыс.). НЭМ предусматривает также осуществление мер по развитию наукоемкой продукции в целях ослабления зависимости от нефтяной и газовой отраслей. Предусматривается увеличение расходов на образование. Намечены меры по стимулированию предпринимательской активности. Сокращение бедности также является одним из приоритетов НЭМ, хотя на 2011 г. уровень бедности в стране не превышал вполне «безобидных» 7%. Тем не менее, НЭМ ставит задачу существенно снизить уровень бедности всех слоев населения, независимо от этнической принадлежности¹⁶.

Одновременно для Малайзии инновационный путь является возможностью укрепить свое влияние в исламском сообществе и даже в перспективе попытаться оспорить безоговорочное лидерство на данном направлении у монархий Персидского залива¹⁷.

Для некоторых стран инновационная модернизация становится ныне залогом выживания и успеха в региональной конкурентной среде. Например, это относится к Южной Корее и Сингапуру. По мнению ряда аналитиков, в XXI в. основным законодателем политической и социально-экономической «моды» постепенно станет АТР. Но уже сейчас в этом регионе ведутся ожесточенные конкурентные войны. И в этих условиях самоутвердиться и, более того, одержать верх над противниками, может позволить только инновационный скачок. В полной мере это продемонстрировал Сингапур, где форсированная модернизация позволила резко повысить статус страны и обеспечить ей весомые экономические и политические позиции в АТР. Что же касается Южной Кореи, то здесь фактор региональной конкуренции дополняется проблемой конкуренции политических систем. С 1953 г. Республика Корея находится в состоянии «холодной войны» с КНДР, и ее руководству для мобилизации поддержки населения требуется регулярно демонстрировать достижения и обеспечивать перманентное повышение жизненного уровня своих граждан.

Особо стоит подчеркнуть, что указанные выше модели западной инновационной модернизации в своем большинстве реализуются в рамках либо недемократических (авторитарных), либо ограниченно-демократических политических режимов. При этом в качестве «двигателя прогресса» чаще всего здесь выступает не частный бизнес, как в западных странах, а государственная власть, которая является как

заказчиком, так и контролером подобных реформаций. Особенно это касается КНР, Российской Федерации, Сингапура и Южной Кореи, в меньшей степени Индии и Бразилии.

В качестве примера такого достаточно эффективного государственно-частного партнерства можно привести Южную Корею, где процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны привели к возникновению крупных финансово-промышленных групп (чеболь), которые сформировались на базе торговых фирм и включают компании различных отраслей, являясь огромными конгломератами. Примерно 50 групп играют доминирующую роль в хозяйстве страны, среди них такие известные корпорации как Hyundai, Samsung, Daewoo, LG. Отличительная особенность их успешного развития заключается в том, что они стремились не к краткосрочным прибылям, а к сохранению и усилению позиций на рынке, переходя от одного сектора производства к другому, более высокому в технологическом отношении. При этом правительство Южной Кореи играет доминирующую роль в экономике, осуществляет прямой и косвенный контроль во внешнеэкономических связях¹⁸.

Одновременно привлекательным моментом «инновационной альтернативы», с точки зрения населения и руководства указанных государств, является то обстоятельство, что *модернизация здесь не предполагает отказа от национальных традиций и «подгонки» под западные «стандарты качества»*. А, как показывает практика, жесткое следование американским и европейским приоритетам далеко не всегда обеспечивает странам «отраженной модернизации» политические и социально-экономические «прорывы» (единственным исключением из этого «правила» является Япония, хотя и здесь весьма существенно влияние «национального характера»).

Инновационный опыт зарубежных стран для России: проблема заимствования и оптимизации отечественной модели

На наш взгляд, можно предложить следующие политические, имиджевые и GR-меры для оживления и оптимизации инновационной модернизации России.

Во-первых, российскому государству следует определиться с мотивацией своего инновационного проекта. В этом плане неудачный выбор модели или конечной цели политических и социально-экономических реформ чреват поражением инициатив руководства страны. Однако еще более важным является последовательное и четкое проведение в жизнь инновационного замысла.

Во-вторых, изначально инициатива по инновационному развитию Российской Федерации исходила не «снизу», а «сверху». Более того, идея очередных реформ вне властной элиты встречала прохладное отношение и населения, и бизнес-сообщества. Так, граждане, с одной

стороны, опасались очередной «шоковой терапии» и с недоверием относились к любым «преобразовательным» проектам власти, а с другой — отвергали «апгрейд» в силу специфики отечественной политической культуры, в которой преобладает консервативный тренд. Кроме того, значительная часть населения психологически находилась еще в прошлом, XX в. и не была готова принять и понять новые технологические и информационные реалии, а тем более, существовать и действовать в их рамках.

Что же касается частного предпринимательства, то здесь также инновационный путь руководства страны был воспринят с настороженностью. После жесткой процедуры «равноудаления олигархов» предпринимательские слои вполне резонно не исключали того, что именно их назначат «ответственными» за «инновационный подъем», обязав заниматься рискованными долгосрочными финансовыми инвестициями. Соответственно это породило своего рода инновационное «дезертирство» частного бизнеса, предпочитавшего работать в более привлекательных сферах.

Таким образом, основная часть нагрузки в деле продвижения инновационного проекта легла на плечи государства, вернее, заинтересованных элитных групп, имевших соответствующий профиль деятельности.

Однако на этапе развития инновационного проекта абсолютно необходимо «искреннее» подключение к нему предпринимательского корпуса и общественности, которые дали бы ему «гражданский» импульс. Кроме того, важно достижение национального консенсуса в отношении построения в России инновационного государства XXI в. Это достигается как через вовлечение заинтересованных сторон в модернизационные проекты (например, через создание при инновационных предприятиях общественных советов, широкое внедрение государственно-частного партнерства, выделение инновационных грантов и пр.), так и через проведение эффективной информационной политики в независимых СМИ и сети Интернет (в том числе, в популярных социальных сетях).

В то же время подключение общества к инновационному проекту государства не означает обязательного проведения политической либерализации. Как показывает опыт «незападных» передовых стран, там достаточно жесткая и сильная государственная власть вполне уживается с инновационным развитием, более того, чаще всего именно государство выступает в качестве инициатора и менеджера преобразований. Это особенно актуально для России, где психология населения и даже значительной части элиты является «нерыночной» и «недемократичной». Поэтому в плане выбора механизмов реализации инновационных реформ для нашей страны, судя по всему, ближе все-таки путь КНР и Сингапура, чем США и Евросоюза.

В-третьих, как показывает предпринятый нами анализ, по своей политической культуре Россия и ее население ближе скорее к восточному типу инновационного развития. А это значит, что в рамках продвижения профильных реформ необходимо учитывать мировоззренческий и морально-этический факторы, державный настрой большинства граждан, их этатистские и эгалитаристские приоритеты. Соответственно в этой связи при проведении инновационного проекта в жизнь более логичным представляется делать акцент не на гедонистических аспектах, а на патриотических лозунгах.

В-четвертых, для реализации инновационного проекта следует обеспечить жесткий контроль за освоением выделяемых средств, вести тотальную борьбу с коррупцией на федеральном и региональном уровнях, постараться минимизировать суммы «откатов», получаемых недобросовестными чиновниками на инновационном поле. Не исключено, что следует перевести такого рода преступления в разряд «особо тяжких», поскольку они не только чаще всего связаны с хищениями государственных средств в особо крупных размерах, но и фактически наносят удар по политической и экономической стабильности России, парализуют стратегические инициативы власти. Особенно это актуально в настоящий момент, когда у руководства страны уже нет возможности выделять на инновационные проекты завышенные суммы с поправкой на коррупцию, как это нередко делалось в 2000-е гг.

В-пятых, несмотря на определенные успехи в деле разработки инновационного законодательства, все-таки оно еще несовершенно и требует дальнейших усилий как со стороны власти, которая, с точки зрения обеспечения стабильности, заинтересована в модернизационном «апгрейде» Российской Федерации, так и со стороны лоббистов государственных и частных бизнес-структур, вовлеченных в сферу «технологий будущего». Так, в действующем законодательстве пока отсутствуют такие понятия как «инновационная политика», «национальная инновационная система», «инновация», «инновационная деятельность», а также «венчурный фонд» и «субъект малого инновационного предпринимательства в научно-технической сфере». Это в определенной мере сдерживает эффективность развития инновационной сферы в России и позволяет коммерческим структурам инвестировать государственные средства в проекты лишь условно связанные с инновациями¹⁹.

В ходе проверки Счетной палаты РФ выяснилось также, что государство не реализовало свою политику на уровне законодательства в части налогового стимулирования инновационной сферы, а малый и средний бизнес, работающий в этом направлении, так не дождался от государства дополнительных льгот и преференций, что также сдерживает его развитие. «Все эти меры должны были быть приняты

еще четыре года назад в рамках утвержденной правительственной стратегии развития науки и инноваций до 2015 года. Эта программа направлена на формирование эффективной инновационной системы, обеспечивающей технологическую модернизацию экономики страны. Законодательное обеспечение инновационной сферы в этом документе обозначено как одно из приоритетных», – отметил аудитор Счетной палаты А. Пискунов²⁰.

Тем не менее, не исключено, что даже в случае совершенствования «инновационного» законодательства, эти нормы «зависнут» с точки зрения практической реализации. С одной стороны, этому могут способствовать высокие цены на энергоресурсы, которые обычно заставляют руководство страны и элиту откладывать инновационное обновление «на потом». С другой стороны, инновационную политику могут сдерживать также проблемы, связанные с обозначившейся технологической и научно-исследовательской отсталостью российской экономики. В настоящий момент страна во многом живет еще советским инновационным «багажом», который постепенно ветшает и исчерпывается. А зарубежные партнеры в условиях обострившейся глобальной конкуренции явно не спешат делиться с Российской Федерацией своими новейшими разработками и технологиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. – URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374_type82634_105546.shtml

² См. там же.

³ См.: Вступительное слово В.В. Путина на заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию 20 июня 2006 г. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=278967&soch=1>

⁴ См.: Грызлов Б. Деятельность АСИ потребует развития законодательной базы. – URL: <http://er.ru/news/2011/8/1/deyatelnost-asi-potrebuuet-razvitiya-zakonodatelnoj-bazy-gryzlov/>

⁵ См.: URL: <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html>

⁶ См.: URL: <http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/09/29/how-to-stop-a-second-great-depression/?Authorised=false>

⁷ См.: *Страус А.Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2. С. 78 – 91.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ См.: *Гранберг А.Г.* и др. Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики: коллективная монография / отв. ред.: В.В. Ивантер, Н.И. Комков. – М.: МАКС Пресс, 2007. С. 59.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См.: URL: http://www.innit.ru/files/presentation/innovations/China_model_innovation_development_03June2009.pdf

¹² См.: Инновационная политика: международный опыт // Человек и труд. 2011. № 1. С. 48.

¹³ См.: URL: <http://ria.ru/society/20110504/370710263.html>

¹⁴ См.: URL: <http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/>

¹⁵ См.: URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html>

¹⁶ См.: Поляков Б. Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня.

¹⁷ См., например: Синецкий Н.С. Социокультурные аспекты принятия технологических инноваций на современном арабском Востоке. – URL: http://www.chiepru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENC/Sinetskiy_N.S.pdf

¹⁸ См.: Тулеев А.М., Шатиоров С.В. Россия перед прыжком. – М., 2004. С. 166.

¹⁹ См.: URL: <http://www.regions.ru/news/2335868/>

²⁰ Там же.

Аннотация

Статья посвящена анализу российской модели инновационного развития в сравнении с опытом других стран (США – политика глобального лидерства, Европейский Союз – политика социального гедонизма, КНР – претензия на новое глобальное лидерство, Индия, Бразилия и Малайзия – преодоление бедности и технологической отсталости, Южная Корея – выживание в конкурентной региональной среде) и рекомендациям по стимулированию инновационной модернизации России.

Ключевые слова: инновационное развитие, США, Европейский Союз, Китай, Индия, Бразилия, Малайзия, Южная Корея, мотивация, глобальное лидерство, модернизация, авторитарный режим, традиция, конкуренция.

Summary

The article is dedicated to the analysis of the Russian model of innovative development in comparison with the experience of other countries (USA – global leadership policy, European Union – policy of social hedonism, China – claim on new global leadership, India, Brazil and Malaysia – overcoming poverty and technological backwardness, South Korea – survival in competitive regional environment) and to the recommendations for stimulating the innovative modernization of Russia.

Keywords: innovative development, USA, European Union, China, India, Brazil, Malaysia, South Korea, motivation, global leadership, modernization, authoritarian regime, tradition, competition.